

© Г. С. Корытин

ПРОЦЕССЫ ПОСЛЕВОЕННОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ В ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Статья посвящена процессам послевоенного восстановления на территории Чеченской Республики с 2000 года по настоящее время. В современной социальной антропологии вопросы реконструкции и преодоления последствий этнополитических конфликтов не так часто оказываются в центре внимания специалистов. В исследовании автор опирался на полевые материалы, собранные им в 2023–2024 гг. в Чеченской Республике. В статье обозначен демографический, социально-экономический, духовный и культурный ущерб, нанесенный Чечне в результате конфликтов. Кроме того, рассматривается тяжелый процесс восстановления социальной инфраструктуры, а также средства и способы, благодаря которым это стало возможным. На основе полевых материалов и литературных данных автором анализируется роль некоторых чеченских традиций, социальных институтов и исламских моральных ценностей в восстановлении Чечни. Проанализированы процессы и проблемы, которые наблюдались в сельской местности в Чечне как сразу после завершения активных боевых действий, так и в наши дни.

Ключевые слова: традиции, исламские ценности, социальные институты, постконфликтное восстановление

Ссылка при цитировании: Корытин Г. С. Процессы послевоенного восстановления в Чеченской Республике // Вестник антропологии. 2025. № 4. С. 54–72.

UDC: 39+323.2

DOI: 10.33876/2311-0546/2025-4/54-72

Original article

© Georgy Korytin

THE POST-WAR RECONSTRUCTION IN THE CHECHEN REPUBLIC

The article is devoted to the processes of post-war reconstruction in the Chechen Republic, from 2000 to the present. Nowadays, the issues of reconstruction and overcoming the consequences of ethnopolitical conflicts are not so often the focus of attention of social anthropologists. The author relied on field materials collected in 2023–2024 in the Chechen Republic. The article examines the demographic, socio-economic and cultural damage caused to Chechnya as a result of the conflicts. It considers the difficult process of rebuilding the social infrastructure, as well as

Корытин Георгий Сергеевич — аспирант, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (Российская Федерация, 119334 Москва, Ленинский проспект, 32а). Эл. почта: e.korytin@list.ru

the means and methods by which this became possible. Based on field materials and literary data, the article analyzes the role of some Chechen traditions, social institutions and Islamic moral values in the restoration of Chechnya. The article also analyzes the processes and problems that were observed in rural areas in Chechnya, both immediately after the end of active hostilities, and in our days.

Keywords: *traditions, Islamic values, social institutions, post-conflict reconstruction*

Author Info: Korytin, Georgy S. — Postgraduate student, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation). E-mail: e.korytin@list.ru

For citation: Korytin, G. S. 2025. The Post-War Reconstruction in the Chechen Republic. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 54–72.

Одним из самых крупных этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве, без сомнения, является конфликт в Чеченской Республике, продлившийся с перерывами с 1994 по 2000 гг. По результатам тяжелых и кровавых боев к началу 2000-х гг. Чеченская Республика оказалась в состоянии тяжелейшего гуманитарного кризиса. После того как в 2000-м г. завершились наиболее активные боевые действия перед народом Чечни, ее новым руководством и федеральным центром встала проблема постконфликтного восстановления этого региона и налаживания всех сфер жизни общества.

Чечня в преддверии третьего тысячелетия

В результате вооруженного конфликта к середине 2000 г. республика лежала в руинах. Официальные данные свидетельствуют о том, что были практически уничтожены семь населенных пунктов, в том числе и столица — город Грозный. Более чем на 70% были разрушены 18 аулов и сел. Около 21 тыс. домов не подлежали восстановлению, а еще 80 тыс. жилых строений были серьезно повреждены.

За годы конфликта экономика Чечни была уничтожена. Промышленность, в том числе нефтяная, а также система энергетики практически перестали существовать. Аграрный сектор республики не мог обеспечить даже 20% потребностей собственного населения в продовольствии. Системы газо- и водоснабжения были разрушены, перестал работать транспорт, многие объекты культуры были повреждены или уничтожены. По самым скромным подсчетам ущерб, нанесенный за годы конфликта экономике Чечни, равняется 40–45 млрд рублей. И это без учета ущерба, нанесенного нефтяной индустрии, который вместе с потерей сырья и загрязнением экологии равняется приблизительно 60 млрд рублей.

Демографические потери оказались не менее страшными. Численность постоянного населения Чечни сократилась с 1074 тыс. человек в начале 1994 г. до 621 тыс. в начале 2003 г., т. е. примерно на 42% (Ибрагимов, Тишков 2006: 125). По одним данным, гражданские потери оцениваются от 22 до 60 тыс. человек. В период конфликта из Чечни выехало более 500 тыс. человек. До 1991 г. в Грозном проживало 425 тыс. человек, в том числе 200 тыс. русских. К зиме 1999 г. в столице Чечни осталось около 20 тыс. человек, а русскоязычное население республики не превышало 5%. В период с 1997 по 1999 гг. около 600 тыс. человек в Чечне потеряли работу. К середине 2001 г. без крова над головой оставались 150 тыс. человек.

Большая часть людей, оставшихся в республике, была вынуждена жить в состоянии страха и нищеты. Огромное количество оружия, находившееся в Чечне, и харак-

тер власти Д. Дудаева и А. Масхадова привели к росту преступности. Установилась новая форма взаимоотношений: прав тот, у кого в руках оружие. В этот же период в республике расцвела практика заложничества. Только из числа русскоязычного населения и иностранцев было захвачено около 700 человек. Сколько было похищено и взято в заложники чеченцев, сказать сложно, приблизительно это 3 тыс. человек (Гакаев, Яндаров 2001: 10–13).

В книге «Культура Чечни: история и современные проблемы» дается следующая оценка потерь в конфликте. За время первого чеченского конфликта федеральные войска потеряли убитыми 4 103 солдата и офицера, еще 19 784 были ранены и 1 231 пропал без вести. За время контртеррористической операции 1999–2009 гг. потери федеральных войск составили 3 тыс. человек убитыми, 7 865 — ранеными, порядка 40 человек — пропавшими без вести. Потери боевиков за время двух чеченских кампаний составили около 25 тыс. человек. Относительно потерь среди мирного населения достоверных данных нет. Разные источники и авторы дают разные цифры погибших. Ж. Ж. Гакаев говорит о 40–100 тысячах погибших гражданских лиц в первую войну и 2,2 тыс. убитыми и 4,5 тыс. ранеными — во вторую (Туркаев 2002: 330).

Восстановление городской инфраструктуры

По мнению некоторых чеченских экономистов, главный метод, который применялся в восстановлении социально-экономической сферы Чечни, — это программный. С 2000 по 2012 гг. восстановление республики шло по федеральным целевым программам (2002–2007 гг., а затем 2008–2012 гг.). Начиная с 2014 г., развитие велось уже по государственным программам. Программный метод показал себя очень успешным в восстановлении Чечни (ПМА 2023: Сулейман Решиев).

Федеральная целевая программа 2002–2007 гг. предполагала восстановление административных зданий, органов государственной власти Чеченской Республики и зданий администраций муниципальных образований. Выполнялись работы по разбору завалов, демонтажу разрушенных зданий и сооружений, переработке и утилизации отходов и т. д. В сфере ЖКХ производились работы по восстановлению систем водоснабжения, водоотведения, теплоснабжения и электроснабжения (Постановление Правительства РФ № 889 от 21.12.2001).

Во время проведения работ по разбору завалов и демонтажу зданий, города и населенные пункты, как правило, распределялись на отдельные секторы. Во главе каждого сектора назначалось ответственное лицо, в полномочия которого входило руководство работами по вывозу мусора и восстановлению зданий. Эти же главы секторов должны были договариваться со строительными компаниями, искать строительные материалы и т. д. В каждом населенном пункте существовал также главный штаб, который координировал работу всех секторов и их руководителей (ПМА 2024: Абдул Алаудинов).

«В то время город Грозный был похож на одну большую строительную площадку», — так высказался об этом времени один из респондентов. Активное участие в данных работах принимали все слои населения Чечни. Местными органами власти проводились масштабные субботники по расчистке и благоустройству улиц, в которых было задействовано большое количество людей (ПМА 2023: Ибрагим Идилов).

Если говорить об образовании в Чеченской Республике, то необходимо отметить, что еще до войны ситуация была непростой. По данным последней Всесоюзной пе-

реписи населения 1989 г. в ЧИАССР на 1000 человек в возрасте 15 лет и старше приходилось 142 человека, не имевших общего среднего образования. Численность студентов в высших учебных заведениях на 1990 г. среди чеченцев (в расчете на 10 тыс. человек каждой национальности) составляла 142 человека. Численность специалистов с высшим средним и средним специальным образованием по национальностям союзных, автономных республик и автономных областей СССР в 1957 г. (в расчете на 10 тыс. человек каждой национальности) составила 19,1. Таким образом, по состоянию на 1989 г. среди автономных республик и областей России в Чеченской Республике был самый высокий показатель по числу граждан, не имевших полного и неполного среднего образования. Чечня находилась на последнем месте в Северо-Кавказском регионе по удельному весу лиц с высшим образованием. Она обладала самым низким среди народов союзных республик удельным весом научных сотрудников (Гакаев, Яндаров 2001: 202–223).

Понятно, что разразившийся в 1990-е гг. чеченский конфликт не только не способствовал улучшению ситуации, но привел образовательную систему в республике к полному коллапсу. С началом постконфликтной реконструкции восстанавливать образование в республике пришлось практически с нуля. Первые положительные сдвиги наметились к 2005 гг., тогда в Чечне функционировали 489 школ, из них 110 (22,5%) находились в городах и поселках городского типа. В 460 общеобразовательных школах обучалось 212,3 тыс. человек. Из них в городах и поселках были расположены 102 школы и 358 — в сельской местности. В 2004 г. в республике работали 29 среднеобразовательных школ с охватом 13,8 тыс. обучающихся. Также в республике действовали 4 специализированные школы для детей с ограниченными возможностями здоровья, где обучалось 346 человек (Ибрагимов, Тишков 2006: 495).

Всего в рамках Федеральной целевой программы 2002–2007 гг. было восстановлено 5 473 объекта, в том числе жилые дома общей площадью 679,1 тыс. кв. м. Были восстановлены 71 школа, в общей сложности на 23 521 ученическое место, 70 учреждений здравоохранения на 9 760 коек, 48 км магистральных теплотрасс, 5 промышленных предприятий, 201 трансформаторная станция и более 484 км электрических сетей (Постановление Правительства РФ № 537 от 15.07.2008).

В 2008 г. была принята новая федеральная целевая программа социально-экономического развития Чеченской Республики на 2008–2012 гг. Для ее реализации выделялось около 120 млрд рублей. Целью программы было создание условий для перехода к устойчивому развитию экономики и социальной сферы республики. В ее рамках планировалось: увеличение занятости трудового населения и сокращение безработицы, достижение необходимых темпов экономического роста, восстановление системы инженерной инфраструктуры (включая восстановление межрегиональных и региональных транспортных сетей), обеспечение доступа населения к современным информационно-коммуникационным технологиям и обеспечение населения Чеченской Республики доступным и качественным жильем (Постановление Правительства РФ № 537 от 15.07.2008).

Значительную роль при восстановлении как города Грозный, так и остальных населенных пунктов республики сыграли профсоюзы. В феврале 2000 г. началось создание профактива профсоюзов. Затем появились первичные профсоюзные организации. С апреля 2001 г. профсоюзы были юридически оформлены, а уже в феврале 2002 г. был издан указ об регулировании социально-правовых отношений. Про-

фсоюзы принимали участие в реализации программы «Город без следов войны». За рекордные сроки в Грозном были полностью восстановлены 58 строений: жилые многоэтажные здания, детские сады, школы, больницы и административные центры (ПМА 2024: Хусайн Солтагереев).

Восстановление системы жизнеобеспечения в городской и сельской местности

В книге «Общество в вооруженном конфликте» В. А. Тишков отмечает, что в период конфликта и в послевоенное время в начале 2000-х гг. значительное число жителей Чечни было занято в сфере торговли. «Торговали всем, что можно продать, и все, кто мог что-то произвести, приобрести или украсть. Торговали везде, где возможен спрос и даже там, где его почти не было: в частных магазинах и кафе, на рынках, в крытых павильонах, с лотков, с рук, с земли. Главным торговым центром был Центральный рынок Грозного» (Тишков 2001: 438–440).

О важной роли рыночной торговли говорит и А. Д. Осмаев в работе «Чеченская Республика в 1996–2005 гг.: трудный путь к миру». «Средоточием жизни в Грозном стал Центральный рынок, где можно было купить все необходимое: продукты и промтовары, аудио и видеокассеты любого содержания. Поход на Центральный рынок часто мог закончиться и для военного, и для мирного жителя смертельным исходом. Здесь регулярно проводились облавы, задерживали молодых людей, грабили торговцев и столь же регулярно происходили нападения на военных и сотрудников чеченской милиции. Несмотря на эти инциденты, рынок функционировал, разрастаясь и захватывая близлежащие улицы и кварталы» (Осмаев 2014: 339).

А. Д. Осмаев подчеркивает, что символом повседневного вида города Грозный в это время стали оконные рамы, обтянутые полиэтиленовой пленкой вместо стекол с торчавшими из них трубами «буржук», на которых только и можно было готовить еду. Большой проблемой была заготовка дров. Чтобы запастись дровами нужно было ездить по всему городу и разбирать завалы, постоянно рискуя подорваться на mine. В качестве дров использовалась разбитая мебель, сломанные рамы, двери и т. д.

В первые годы после окончания боевых действий основным источником электричества в Грозном (как и во многих других населенных пунктах) долгое время были генераторы. Их покупали вскладчину или платили владельцу крупного генератора. Некоторые люди переводили генератор с дизельного топлива на газ, так как за него не надо было платить (Осмаев 2014: 337–338).

Добыча воды также была большой проблемой. Многим жителям Грозного приходилось ходить за несколько километров, чтобы запастись водой. Со временем воду стали развозить автоцистернами и специальными водовозными машинами. Когда это началось, то цена на одно ведро воды сразу выросла с 50 копеек до 1–2 рублей. Большим подспорьем для горожан стала деятельность международных гуманитарных организаций (например, Польской гуманитарной акции), которые работали по программе ЮНИСЕФ. На улицах, где проживало более 50 человек, ставили специальные резиновые емкости (так называемые «подушки») для чистой воды, из которых жители могли бесплатно ее набирать (Осмаев 2014: 337–338).

Несмотря на то что сельское хозяйство серьезно пострадало в ходе конфликта, основной системы жизнеобеспечения продолжала оставаться плоскостная аграрная экономика. «Эта экономика складывалась на базе разных форм собственности и хозяйствования,

таких как личные приусадебные участки, мелкая фермерская аренда, сохранившиеся в ряде равнинных районов крупные государственные хозяйства... Индивидуальные хозяйства производили продукцию для собственного потребления, делясь с городскими родственниками. На рынок вывозились только овощи, выращиваемые в теплицах и парниках (особенно огурцы и помидоры). Некоторые перепродавали разные воды, сигареты и сладости, чтобы хотя бы немного заработать «живых» денег» (Тишков 2001: 438–440).

Во время полевых выездов мне удалось поговорить с информантами в сельской местности и получить некоторые данные о том, как шло восстановление сельских территорий в Урус-Мартановском и Шатойском районах Чечни. В селе Шалажи один из респондентов (Ибрагим), высказался об этом так: «...В каждом селении были люди, у которых родственники занимались бизнесом или работали за пределами республики. Такие люди жертвовали значительные суммы денег на восстановление родных сел. У нас в селе Шалажи таких было около 10 человек». Далее Ибрагим отметил, что инициативные люди были практически в каждом селе. Они либо жертвовали деньги, либо на свои средства снаряжали грузовики с гуманитарной помощью и строительными материалами.

Те люди, которые никуда не выезжали и остались жить преимущественно в селах, тоже организовывались в группы и старались восстановить то, что могли, своими силами. В частности, в селе Шалажи, местные жители в складчину купили строительные материалы и отстроили мечеть. Такие процессы происходили практически в каждом небольшом населенном пункте.

В этом же селении Шалажи удалось узнать, что многие жители в наиболее тяжелые годы послевоенной разрухи спасались личными подсобными хозяйствами. В некоторых семьях, живущих в сельской местности, могло быть по 2–3 коровы, куры или овцы. Многие сельские жители выращивали кукурузу и овощи. При этом в городах осталось крайне мало жителей: значительная часть людей уехала в другие регионы, а те, у кого были родственники в сельской местности, уехали из городов в села. В связи с этим роль огородов и личных подсобных хозяйств в выживании людей значительно возросла.

Стоит отметить, что исторически земледелие являлось одним из основных традиционных занятий чеченцев. Б. А. Калоев пишет: «Уже в XVIII в. главным занятием равнинных жителей Чечни было земледелие. Оно велось с применением основных систем полеводства: залежной, подсечной, плодосменной... Главными зерновыми культурами на равнине Чечни были пшеница и просо, а в горах ячмень, овес и пшеница. Возделываемая еще в XVIII в. почти всеми равнинными жителями Чечни кукуруза стала в начале XIX в. самой распространенной культурой, проникшей в горные районы» (Калоев 1981: 30–31).

Помимо земледелия, одним из главных хозяйственных занятий чеченцев было скотоводство, где ведущую роль традиционно играло овцеводство. Коз выращивали редко. Разводили также и крупный рогатый скот, однако Калоев, отмечает, что «в среднем содержали на двор не более 2–3 голов крупного рогатого скота горской породы...» (Калоев 1993: 48–61).

Продолжали работать госхозы «Юбилейный», «Солнечный», «Пригородный», «60 лет Октября», «Знаменский», «Кругловский», «Ильинский», «Марию». Летом 1999 г. впервые был получен неплохой урожай в государственном секторе. Госхоз «Юбилейный» Грозненского района имел 530 га посевов пшеницы и ячменя и получил

средний урожай 21 ц с га. Буквально «сидя на нефти», сельские хозяйства испытывали недостаток горючего и смазочных материалов, а также сельскохозяйственных машин (тракторов, комбайнов). Крупного рогатого скота и овец в Чечне сохранилось столько, сколько в прошлом было в одном только крупном хозяйстве» (Тишков 2001: 439).

Респонденты рассказывали, что существовал также обмен сельхозпродукции на другие виды товаров. Универсальным средством обмена выступали мука и сахар. Один из информантов рассказывал мне, что для них было обычной практикой обмениваться товарами с горными районами. Жители горных поселений привозили картошку, а в обмен забирали дрова (ПМА 2024).

Анализируя данные Б. А. Калоева, а также основываясь на полевых материалах, можно сделать следующий вывод: отдельные элементы традиционного хозяйства чеченцев сохранились до конца XX — начала XXI в. Они сыграли существенную роль в выживании значительного числа мирного населения Чечни как в период конфликта, так и в первое время после его завершения.

Процесс разминирования в сельской местности в Чечне

Одна из главных проблем в Чечне, мешавшая активному восстановлению сельских территорий, была связана с минированием сельхозземель. Наиболее активные работы по разминированию начались в 2012 г.: на федеральном уровне было принято решение о выделении на эти цели 500 млн рублей (Абдурахманов 2012б: 175–176). В 2012 г. началось разминирование в Шалинском, Курчалоевском и Урус-Мартановском районах. Позднее география разминирования значительно расширилась (Пятый канал 2012). По состоянию на 2017 г. работы велись в восьми районах Чечни: Ачхой-Мартановском, Урус-Мартановском, Грозненском, Курчалоевском, Октябрьском и др., а также в Сунженском районе Ингушетии (Вестник Кавказа 2017).

Изначально предполагалось завершить разминирование территории к 2015 г., однако затем сроки завершения разминирования несколько раз переносились на 2017, 2018 и 2020 гг. По состоянию на 7 января 2016 г. было разминировано 9 602,2 га, то есть только 42% территории, на которых обнаружены и уничтожены 9 857 взрывоопасных предметов (Чечня сегодня 2016). Если судить по материалам средств массовой информации, то темпы разминирования на протяжении долгого времени оставались недостаточными. Работа по разминированию, как правило, прекращалась с наступлением холодов. На протяжении долгого времени разминирование шло преимущественно силами саперов Южного военного округа, а позднее к ним присоединились силы МЧС.

Несмотря на то что значительная часть Чечни уже очищена от взрывчатых устройств и боеприпасов, работа в данном направлении продолжается и по сей день. По состоянию на сентябрь — октябрь 2023 г. из-за угрозы наличия взрывоопасных предметов на территории Чечни не используется по назначению более 4 тыс. га земли, необходимой для развития сельского хозяйства и для реализации различных экономико-социальных и инвестиционных проектов (ТАСС 2023).

Роль чеченских традиций, исламских ценностей и социальных институтов в преодолении последствий войны

Необходимо отметить, что кавказский регион и в особенности Чечня всегда отличались большой ролью традиций, социальных институтов и этикета в повседневной

жизни проживающих здесь народов. Многие черты традиционного уклада чеченского общества в том или ином виде сохранились до наших дней. Для лучшего понимания обстановки в Чечне после завершения активной фазы конфликта и места традиций, исламских ценностей и социальных институтов в современном чеченском обществе, нужно проанализировать, какие социальные и культурные процессы происходили в республике в то время.

В ходе исследования удалось выяснить, что традиционные ценности и этикет являются не просто абстракцией для чеченцев, а играют вполне конкретную социальную роль. Первое, о чем стоит упомянуть, — это осознание коллективной ответственности и взаимопомощи у чеченцев. Данный обычай называется «белхи» («общественная помощь» — *чеч.*). Считается, что чеченец не может не помочь чеченцу или кому-то другому в каком-либо деле. Самое главное, по словам респондентов, что «это должно быть сделано искренне».

Этнограф Зулай Имрановна Хасбулатова в статье «Белхи как традиционная форма взаимопомощи...» пишет о том, что «белхи» является традиционной чертой общественного быта чеченцев (Хасбулатова 2017: 2). Этот обычай возник в глубокой древности в связи с хозяйственной необходимостью. Обычай взаимопомощи был одной из самых распространенных форм контактов молодежи у чеченцев и, соответственно, проявлением норм поведения, нравственности «гиллакх». «Белхи» — сложный по своей структуре обычай, в центре которого находился совместный бескорыстный, неоплачиваемый труд. Его участниками были не только члены патронимии, т. е. она не носила родственный характер, а была уже общесельской, общесоседской взаимопомощью.

Изначально «белхи» устраивался в любой день недели. В наше время он обычно проводится в субботу или воскресенье, т. е. в выходные дни. На «белхи» приглашались и собирались девушки, замужние и незамужние женщины, холостые и женатые мужчины. Молодые люди и девушки на этих мероприятиях знакомились и общались. В отношении вопроса об участии в «белхи» у чеченцев сложился и соблюдался целый комплекс этических норм и представлений. Так, принятие приглашения не было обязательным правилом, однако чеченцы считали, что даже в случае неотложных дел приглашенный должен был прийти и объяснить причину отсутствия или же, немного поработав, уйти. В крайнем случае ему следовало прислать кого-либо для объяснения причины пропуска. Таким образом, наличествовала нравственная обязанность, которая в некоторой степени сохранилась и до наших дней (Хасбулатова 2017: 2).

По словам респондентов, изначально «белхи» играл очень важную роль преимущественно при строительстве нового жилища, и зачастую речь шла именно о строительстве саманного дома. Если какой-либо чеченец строил жилье, то на помощь ему обязательно приходили не только родственники и друзья, но и все соседи по улице. Этот обычай также помогал передавать знания по строительству от старших к молодым.

Данная традиция сыграла большую роль в восстановлении как сельских, так и городских территорий в Чеченской Республике. Во многом именно она послужила главной мотивацией для чеченцев при восстановлении сел и городов и преодолении послевоенной разрухи. Сегодня «белхи» активно поддерживается Духовным управлением мусульман Чечни. Один из респондентов высказался об этом следующим образом: «Чеченские семьи — это почти трудовые бригады. Минимизация алкоголя. Если кто-то делает что-то и ему нужна помощь, остальные члены семьи обязательно придут на помощь и сделают это даром» (ПМА 2024: Арсанов Ибрагим).

Некоторые респонденты с грустью отмечают, что в последнее время данный обычай постепенно исчезает или принимает новые формы. Это связано еще и с тем, что сегодня уже не строятся саманные дома. В строительстве используются новые материалы и в такой ситуации, чтобы оказать помощь нужно иметь специальные навыки. В связи с этим, вместо того чтобы собирать людей для «белхи» многие предпочитают просто нанять рабочих и построить дом за свои деньги без помощи соседей и знакомых. В тех случаях, когда «белхи» все-таки собирается, некоторые люди предпочитают просто оказать помощь деньгами или строительными материалами. Об этом рассказал один из респондентов по имени Вахит: «Недавно у меня был случай, когда сгорел дом у моего родственника. Собрались родственники и соседи. Помогали в основном деньгами, покупкой строительных материалов, те, кто мог, помогали строить и работали физически».

Обычай «белхи» напрямую связан с таким понятием, как «гиллакх». Под этим термином понимаются как внешние проявления культуры поведения (мимика, жесты, тональность голоса, умение сидеть, стоять, есть, слушать, говорить), так и многие другие аспекты, на которые обращают внимание при оценке человека. Некоторые примеры правил «гиллакх» таковы: вставать при появлении старшего, младшему идти слева от старшего, не начинать есть раньше гостя и не ложиться раньше него спать. Таким образом, традиция «гиллакх» в общих чертах включает в себя манеры поведения, уважение к старшим, совесть, гостеприимство, умение говорить и т. д.

Отдельно стоит сказать про одно из основных правил «гиллакх» — гостеприимство. У чеченцев оно связано не только с этикетом, но и с вопросами этнической идентификации иноплеменников. Этнограф Ян Вениаминович Чеснов, в работе «Лекции по исторической этнологии» приводит весьма интересный факт: «У чеченцев в условиях расселения на плодородной северокавказской равнине, но при постоянной опасности от врагов существовал обычай принятия иноплеменника. Ему давали землю при его обязательстве выступить с оружием для совместной обороны и на сходке села объявляли, что такой-то теперь будет считаться «нахом» (членом этноса нахов, вайнахом)» (Чеснов 1998: 21).

По мнению некоторых информантов, большинство чеченцев как в сельской местности, так и в городе продолжают соблюдать традиции. Однако в последние годы (под влиянием модернизации и глобализации) часть чеченцев начинает относиться более либерально к некоторым традициям и устоям, причем это одинаково хорошо видно, как в селе, так и в городе. Одной из основных причин этого, по мнению информантов, является «...повальное увлечение молодежи гаджетами и Интернетом» (ПМА 2024: Уздорбиев Абдулхамид).

Традиция «гиллакх» значима в контексте постконфликтных процессов, которые происходили в Чечне в начале 2000-х гг. Некоторые респонденты отмечают, что после прихода к власти в республике Ахмат Кадыров начал опираться, в первую очередь, на представителей старшего поколения: старейшин, ветеранов и героев труда. С их помощью новое руководство республики стремилось повлиять на людей (тех, кто воюет — призвать сложить оружие, а тех, кто уехал из республики, — вернуться домой) (ПМА 2024: Уздорбиев Абдулхамид).

Необходимо отметить, что описанная выше традиция коллективной взаимопомощи у чеченцев связана не только с традиционным чеченским этикетом «гиллакх», но и с тайповой системой чеченского общества. М. О. Косвен, описывая семейную общину

и патронимии на Кавказе, писал: «Выражение экономического единства патронимии составляла взаимопомощь между семьями данной патронимии. Эта черта особо стойко сохранялась в быту всех народов Кавказа даже тогда, когда патронимия испытала уже глубокий распад. Взаимопомощь выражалась в том, что все семьи патронимии неукоснительно являлись на помощь тогда, когда одна из семей предпринимала какую-нибудь работу, для выполнения которой сил одной семьи было недостаточно, например, постройку или ремонт дома, работы, связанные с устройством семейного праздника, при крупных затратах при устройстве свадьбы, похорон, поминок и т. д. Взаимопомощь распространялась и на более широкую родственную группу, но тогда как дальние родственники помогали по желанию, помощь членов патронимии была обязательной или производилась в первую очередь» (Косвен 1963: 198).

Для лучшего понимания темы необходимо остановиться на особенностях тайпов и их роли в постконфликтной Чечне. Стоит отметить, что среди наших чеченских респондентов не было единого мнения по этому поводу. Некоторые полагают, что «это уже позапрошлый век» и на сегодняшний день никаких тайпов в Чечне нет. Но несколько респондентов подтвердили, что тайпы есть и сегодня, но их политическая роль очень незначительна.

В работе «Чеченская Республика и чеченцы: история и современность...», под редакцией Х. И. Ибрагимова и В. А. Тишкова содержится следующая характеристика тайповой структуры. Чеченский тайп — это классическая самоуправляемая территориальная община, состоящая из одного или нескольких сел и делегировавшая часть своих полномочий ассоциациям более высокого уровня. Чеченский тайп имеет целый ряд характерных черт: единство территории, общую экономическую, правовую и идеологическую базу. Правовой основой тайповой организации было традиционное право, которое в научной практике кавказских народов принято называть адатом (Ибрагимов, Тишков 2005: 178–179).

В. Ю. Гадаев в работе «Чеченская традиционная культура и этика» приводит схему актуальных для современной Чечни семейных и фамильно-родственных групп. Первой стадией в этой структуре идет «Дьозал», то есть семья. Она, как правило, состоит из двух или трех поколений родственников. Второй стадией является «Цийнан нах» — группа близкородственных семей, включающих 4–6 поколений родственников. Третьей стадией является «Некьи» — объединение родственных групп («Цийнан нах»), ведущих свою линию от общего предка до 7–8 поколения родственников. Четвертой стадией является «Гар» — группа «Некьи», объединенная идеей легендарного родства до 9–10 поколения родственников. Пятой стадией является «Тайп» — территориальная община, состоящая из совокупности близкородственных «Гар». Шестой стадией является «Тукхум» — союз тайпов (Гадаев 2020: 233). Седьмой стадией считается «Мохк» — ассоциация тукхумов.

Как уже было сказано ранее, в процессе исследования у респондентов не было единого мнения насчет тайпов в современной Чечне и их социальной и политической роли. Али Салтагириев высказал предположение о том, что на сегодняшний день в Чечне насчитывается больше ста тайпов. Также он отметил их слабую политическую роль. Тем не менее стоит сказать, что нынешнее руководство Чеченской Республики относится к тайпу «Бено», и в руках представителей этого тайпа и сосредоточена вся основная власть. Другой наш информант (Ибрагим Идилов) утверждал, что тайпы были окончательно уничтожены или почти уничтожены, когда произошел переход эко-

номики на рыночные рельсы: «Капитализм окончательно добил тайпы» (ПМА 2024: Идилов Ибрагим). Некоторые информанты считают, что тайпы продолжают играть свою роль в повседневной жизни людей: «Современные тайпы по-прежнему защищают интересы своих людей. Тейпы по-прежнему не теряют своей силы» (ПМА: 2024).

М. А. Мамакаев в работе «Чеченский тайп в период его разложения» отмечает, что к середине XIX в. в Чечне насчитывалось 135 тайпов. Большинство из них были объединены в тукхумы. Так, в тукхум Аьккхий входили следующие тайпы: Барчахой, Жевой, Ноккхой, Пхьарчой, Пхьарчахой и др. Их представители в основном проживали на востоке Чечни, на границе с Дагестаном. В тукхум Маьлхи входили тайпы Италчхой, Камалхой, Кхоратхой, Меший, Саканхой, Терагхой и др., преимущественно расселенные на границе с Хевсуретией и Ингушетией. В тукхум Нохчмахкхой объединились тайпы Бенной, Билтой, Ишхой, Куршалой и др., расположившиеся в восточных и частично в центральных районах Чечни. Были и некоторые тайпы, которые проживали независимо от тукхумов, в частности, Зурзакьхой, Пешхой, Садой и др. Считается, что объединение тайпов в тукхумы было необходимо для обороны и проходило по территориальному признаку (Мамакаев 1973: 18–19).

Большинство исследователей полагает, что чеченский тайп исчезает как социальный институт к концу XIX в. Основной причиной является отсутствие дальнейшей необходимости в его социально организующих функциях. На сегодняшний день чеченский тайп превратился из социально-политической организации в категорию мифологическую и морально-нравственную, во многом отражающую представления чеченцев о всеобщем равенстве и справедливости. Повышенный интерес к тайповой организации усилился в 90-е гг. XX вв. в связи с конфликтом и ослаблением государства. В этот период были проведены съезды многих чеченских тайпов, были избраны главы и руководящие органы и разработаны программы действий. Но в связи с тем, что они уже не имели реальной политической и социально-экономической власти, этот процесс постепенно угас (Ибрагимов, Тишков 2005: 184).

На мой взгляд, в послевоенной и современной Чечне тайп уже не несет в себе социально-политических и организующих функций. Тем не менее, на морально-нравственном уровне тайпы по-прежнему играют значительную роль в картине мира современных чеченцев. Вероятно, это связано с тем, что культура тайповой демократии у чеченцев исторически играет важную роль в воспитании молодежи и формировании уважения к прошлому.

Говоря о роли социальных и религиозных структур в послевоенной Чечне, нельзя не сказать о роли вирдовых братств в повседневной жизни чеченцев. По словам информантов, в каждом селении есть представители того или иного вирдового братства от тарикатов накшбандийа или кадирийа. Респонденты в селе Шалажи упомянули, что «вирдовые братства сегодня играют роль интеграционных рычагов. Они помогают людям координировать свои усилия и оказывать взаимопомощь друг другу» (ПМА 2024: Арсанов Ибрагим).

Вахит Акаев в статье «Конфликты между традиционным и нетрадиционным направлениями в исламе: причины, динамика и пути преодоления» пишет по поводу вирдовых братств следующее: «Принцип религиозно-политической организации вирдовых братств не основан на принадлежности только к одному тейпу. В вирдовое братство, как правило, входят представители разных тейпов... Если соотнести количественно чеченские вирды и тейпы, то первых значительно меньше, чем вторых...» (Акаев 2008: 131).

Исследователи предполагают, что на сегодняшний день в Чечне присутствуют около 30 вирдовых братств. Накшбандийский тарикат является вторым по численности тарикатом в Чечне. В него входят следующие вирдовые братства: Ташу-Хаджи, Ахма-тук-Хаджи, Докку-Шейх, Дени-Шейх, Юсуп-Хаджи, Багаутдин Арсанов, Умалат-Хаджи, Элах-Мулла, Сугаип-Мулла, Узун-Хаджи, Солса-Хаджи, Сулейман-Хаджи, Албаст-Хаджи, Магомед-Амин, Янгильба-Хаджи, Кана-Шейх, Ибрагим-Хаджи, Косум-Хаджи, Шамсуддин-Хаджи.

Кадирийский тарикат является самым многочисленным в Чечне, примерно 65% чеченцев являются его приверженцами. В него входят вирдовые братства Кунта-Хаджи, Баматгирей-Хаджи, Чинмирза, Али Митаев, Юсуп-Хаджи, Хусейн-Хаджи, Мани-Шейх, Магомед-Хаджи, Вис-Хаджи (Гадаев 2020: 269–270).

Я. В. Чеснов в статье «Суфизм и этнический менталитет у чеченцев» приводит некоторые различия, которые наблюдаются у представителей кадирийского и накшбандийского тарикатов в Чечне. Так он свидетельствует, что накшбандийский тарикат изначально опирался на более зажиточные слои населения. Накшбандийцы не проводят громких зикров, которые характерны для кадирийского тариката (Чеснов 2001: 65).

Кадирийский тарикат в Чечне напрямую связан с деятельностью Кунта-хаджи Кишиева, который был исламским суфийским проповедником, осуществлявшим миссионерскую деятельность в Чечне в середине XIX в., в разгар Кавказской войны. Отличительной особенностью кадирийского тариката является проведение общественного моления («громкого зикра»). Особое значение в кадирийа придается психосоматическим средствам моления Богу: определенный ритм дыхания и форсированный выдох, резкие и ритмичные движения головой, удары ногой о землю и т. п. при мысленной или вслух произнесенной молитве (Чеснов 2001: 53).

Каждое братство имеет свою структуру. Как правило, оно распадается на мюридские общины. Мюридская община — это организация мюридов в системе вирдового братства, объединяющая его последователей. Руководит религиозной общиной тамада — авторитетный в вопросах догматики и культа член мюридской общины. В каждом селе или ауле обычно имеется несколько мюридских общин, входящих в разные вирдовые братства. Например, в Урус-Мартане находятся мюридские общины, которые входят в вирдовые братства Солса-Хаджи, Кунта-Хаджи.

В больших селах, где имеется значительное количество приверженцев того или иного вирда, мюридские общины делятся на мюридские группы. Мюридская группа — это первичная мюридская организация в системе вирдового братства, возглавляемая активным мюридом (туркх), который подчиняется тамаде (Гадаев 2020: 269–270).

Вирдовые братства играли роль «интеграционных рычагов», а также объединяли и мотивировали людей. Во многом благодаря вирдовым братствам новому руководству Чеченской Республики удалось повлиять на простых людей, сплотить их для дальнейшего восстановления республики и уговорить вернуться тех, кто уехал.

Эти сведения подтверждает Вахит Акаев: «Роль вирдов в социальной и политической мобилизации чеченцев достаточно ощутима. Потомки шейхов или вирдовые авторитеты обычно имеют больший вес в чеченском обществе, чем тейповые авторитеты. Поэтому часто те или иные политические деятели в ходе политических кампаний или во время выборов разных уровней часто обращаются к ним с просьбой мобилизовать свою «паству» для их поддержки. Вирдовые авторитеты также играют ключевую роль в примирении враждующих сторон, особенно кровников» (Акаев 2011а: 114).

В селе Шалажи были две общины вирдовых братств, принадлежащих к кадирийскому и накшбандийскому тарикатам. Благодаря их деятельности, а также благодаря усилиям сельской администрации удалось объединить большинство жителей села для совместного ремонта многих зданий и разбора завалов. Причем это удалось сделать даже несмотря на отсутствие помощи со стороны федерального центра (ПМА 2024: Мурдалов Муслим).

Продолжая данную тему, стоит сказать о роли ислама, исламских ценностей и религиозных учреждений в современной Чечне. Как сказал один из наших информантов: «все чеченцы — мусульмане, но степень соблюдения у всех разная». Стоит отметить, что большая часть населения Чечни действительно очень религиозна. Один из респондентов так характеризовал религиозность чеченцев: «Многие взрослые, которые были рождены в СССР, все же могут быть атеистами или же быть религиозными крайне поверхностно. Но тем не менее люди средних лет и в особенности молодежь религиозны в подавляющем большинстве...» (ПМА 2024: Мурдалов Муслим).

С начала 2000-х гг. происходит активное религиозное восстановление. Со стороны государства основной упор делался на миротворческую и стабилизирующую роль религии. Религиозные деятели убеждали уехавших людей вернуться и принимать участие в восстановлении республики. Они же старались воздействовать на участников вооруженных формирований, призывая их сложить оружие и вернуться к мирной жизни.

Сразу необходимо отметить, что традиционный для Чечни ислам не имеет ничего общего с ваххабизмом. В. Х. Акаев в работе «Суфийская культура на Северном Кавказе: теоретические и практические аспекты» отмечает несовместимость между традиционным исламом и принесенным на Северный Кавказ «ваххабизмом». Он пишет следующее: «Традиционный ислам на Северном Кавказе адаптировался к местным (кавказским) этнокультурным особенностям, отсюда и его своеобразие. Ислам на Кавказе привился на почве традиционного образа жизни и архетипической культуры кавказских этносов. Между тем ваххабизм — явление внекавказское, возникшее на почве аравийской культуры, разительно отличающейся от культурных традиций народов Кавказа... Неприятие ваххабизма на Северном Кавказе состоит не в том, что мусульмане данного региона являются плохими последователями ислама, а в том, что историко-культурные типы арабов и кавказцев разительно отличаются» (Акаев 2011б: 152–154).

Далее В. Х. Акаев отмечает следующее: «Последователи традиционного для региона ислама не приемлют не только ваххабитскую идеологию и практику религиозных обрядов, но и их образ жизни, поведенческие и культурные установки, отрицание почтительного отношения к старшим, отказ от кавказских обычаев и традиций. В силу чего конфликт между «северокавказским ваххабизмом» и суфизмом имеет не только догматический, идеологический характер, но и социокультурную направленность, что проявляется во взаимном неприятии образа жизни, поведенческих установок, культурных ценностей, присущих им» (Акаев 2011б: 152–154).

Отдельно необходимо упомянуть такое важное направление религиозной деятельности, как примирение кровников. Обычай кровной мести, как утверждают многие респонденты, сохраняется. Один из информантов так высказался на эту тему: «До сих пор бывают ситуации, когда в автомобильной катастрофе, например, погибает человек. И даже если по правилам ПДД, тот, от чьей руки он погиб, прав, родственники погибшего все равно начинают свое расследование. Параллельно с

этим, родственники «виноватого» прячут его и отправляют своих представителей к потерпевшей стороне, чтобы начать переговоры о примирении. Иногда потерпевшая сторона может сразу объявить, что не имеет претензий к семье «обидчика». Если же дело дошло до примирения, то обязательно будет назначен третейский судья (он играет роль посредника)» (ПМА 2024).

Известно, что важную роль в примирении кровников играет муфтият Чеченской Республики. Примирение кровников и сохранение семей от разводов является одним из основных направлений его деятельности. Каждый год Муфтият ЧР выкладывает статистику (на сайте Государственного информационного агентства) сколько кровников удалось помирить и сколько семей удалось сохранить. Так, например, за 2022 год удалось урегулировать 58 конфликтов на почве кровной мести. А всего с 2013 по 2023 гг. в Чечне помирили 1668 кровников.

В данном случае особую важность играет взаимосвязь светской и религиозной повседневной жизни. Имамы мечетей, кадии и другие религиозные деятели (помимо религиозной сферы) занимаются активной общественной деятельностью, участвуют в праздничных мероприятиях и т. д.

Регулированием религиозной жизни в Чечне занимаются следующие религиозные институты: «Духовное управление мусульман Чеченской Республики» (ЦРО-ДУМ ЧР); Совет Улемов Чеченской Республики; Председатели совета имамов (кадии) районов ЧР; Председатели совета мечетей (имамы) населенных пунктов районов ЧР. Сюда же стоит отнести и религиозные образовательные организации, о которых будет сказано ниже.

В наиболее трудный для республики период наблюдалась активизация религиозных общественных организаций. Один из респондентов (Арсанов Ибрагим Абдул-Рахмонович) является создателем и руководителем общественной организации — АНО «Центр Дени Арсанова», которая активно принимала участие в постконфликтном восстановлении Чечни, в частности, в восстановлении села Шалажи в Урус-Мартановском районе. Она же принимала участие в восстановлении Школы языков имени Дени Арсанова. Стоит отметить, что Ибрагим Арсанов является правнуком известного религиозного деятеля Чечни XIX–XX вв. — шейха Дени Арсанова.

С начала 2000-х гг. в Чечне началось активное религиозное строительство. Респонденты свидетельствуют о том, что в ходе вооруженного конфликта на территории Чеченской Республики были разрушены почти все мечети и зияраты. На сегодняшний день почти в каждом селении есть мечеть. За последние 20 лет были отреставрированы и восстановлены почти все зияраты: около 130 зияратов, а также около 1 300 мечетей (ПМА 2024).

Особо стоит выделить три главные мечети Чечни. Все они были построены при Рамзане Кадырове и как нельзя лучше показывают плоды религиозного возрождения в Чечне. Первой является мечеть «Сердце Чечни» имени Ахмата Кадырова, расположенная в центре Грозного. Она является одной из самых больших в России и в Европе. Ее строительство было начато в апреле 2006 г., а закончено в октябре 2008 г., причем инициатором строительства выступал еще А. А. Кадыров, но реализовано это было уже при его сыне.

Данная мечеть входит в Исламский комплекс, в который также входят Духовное управление мусульман Чеченской Республики и Российский исламский университет имени Кунта-Хаджи. Сама мечеть выполнена в классическом османском стиле.

Снаружи и внутри она отделана мрамором. Ее площадь составляет 5 000 кв. м, она вмещает более 10 тыс. человек. Столько же человек вмещает прилегающая к мечети площадь и летняя галерея.

Вторая, не менее важная мечеть имени Аймани Кадыровой была открыта в апреле 2014 г. в городе Аргун. Она названа в честь матери Р. А. Кадырова. Сама мечеть выполнена в очень современном виде. Ее строительство (фирмой «Инкомстрой») началось в 2011 г. по проекту турецкого специалиста Дениза Байкана. Также в строительстве принимал участие Региональный общественный фонд имени Ахмата Кадырова.

Третья мечеть имени пророка Муххамеда — «Гордость мусульман». Она расположена в Шали, примерно в 30 км от Грозного и является самой большой мечетью в Европе, вмещая до 30 тыс. человек. На прилегающей территории могут разместиться до 70 тыс. человек. Над проектом мечети работали архитекторы из Узбекистана (ПИМА 2023).

Отдельно мы хотели бы остановиться на религиозном образовании в современной Чечне. Сами чеченцы говорят, что сейчас в республике есть все необходимое для получения качественного религиозного образования. Здесь существует большое количество медресе, в которых даются основные знания о Коране и арабском языке. Срок обучения в медресе у каждого индивидуальный, поскольку все зависит от времени освоения программы. В республике есть несколько школ хафизов, в которых ученики учат Коран наизусть.

В августе 2009 г. был открыт Российский исламский университет. Большую поддержку в этом оказал В. В. Путин. За время своего существования РИУ подготовил 475 специалистов по различным направлениям. Один из его сотрудников отметил значительную роль, которую сыграл РИУ в консолидации и объединении чеченцев. По его словам, «в период конфликта чеченцы были духовно разобщены. В каждом поселении были свои особенности и определенная отчужденность от остального народа. Создание нового религиозного университета, восстановление мечетей, а также деятельность Ахмата Кадырова, а потом Рамзана Кадырова способствовали объединению народа» (ПИМА 2023).

Однако помимо общеизвестного Российского исламского университета, в Чечне есть еще одно учреждение высшего религиозного образования — Курчалоевский исламский институт имени Ахмата-Хаджи Кадырова. Изначально он был создан в 1988 г. и представлял собой «Северо-Кавказское медресе». Но в 1991 г. медресе было преобразовано в высшее религиозное учебное заведение. В 2004 г. оно было официально переименовано в Курчалоевский исламский институт имени Ахмата-Хаджи Кадырова. В 2007 г. была проведена реконструкция вуза: построены новые корпуса, общежитие на 220 человек, столовая и спортзал.

В современной Чечне есть некоторые особенно выдающиеся религиозные деятели, к словам которых прислушиваются простые чеченцы. Одним из наиболее часто упоминаемых лиц является бывший муфтий Чеченской Республики Ахмад-Хаджи Шамаев. Он стал муфтием ЧР при А. Кадырове и с 2000 по 2005 гг. возглавлял муфтият. Помимо него также часто упоминается Салах Митаевич Межиев, который возглавляет муфтият и Духовное управление мусульман Чеченской Республики с 2014 г. по настоящее время. Часто называется имя Хож-Ахмеда Кадырова, который является Председателем Совета алимов СКФО. По мнению некоторых информантов, на сегодняшний день он один из наиболее значимых проповедников в Чечне. Еще респондентами упоминался Асвад Хареханов — доктор исламских наук и за-

меститель министра образования и науки ЧР. О нем также отзывались, как об очень эрудированном проповеднике, который обучался исламу в Египте (ПМА 2024).

Однако в процессе исследования нам пришлось столкнуться с интересной тенденцией. По свидетельству более молодых респондентов и по нашему скромному опыту, в республике есть определенное количество молодых людей, которые хотят получать религиозное образование за границей. Причиной этого является стремление некоторой части молодых людей получать более качественное и квалифицированное, как им кажется, религиозное знание. Обычно в таком контексте упоминается Египет и некоторые другие арабские страны. Насколько данное мнение является распространенным, сказать сложно, но то, что данная тенденция присутствует, не вызывает сомнения.

Межконфессиональная обстановка в Чеченской Республике остается мирной. Необходимо отметить, что руководство республики прикладывает значительные усилия, чтобы обеспечить мир и согласие.

Помимо мусульманских организаций и религиозных структур в регионе представлена и православная община. На данный момент она насчитывает 7 православных приходов. Также необходимо отметить, что одним из первых зданий, которое было восстановлено, стал храм Архангела Михаила в Грозном. Он является одним из самых значимых в республике и находится недалеко от мечети «Сердце Чечни».

Нельзя не отметить, что периодически отдельные представители ваххабитов и экстремистов пытаются дестабилизировать обстановку. Так, на уже упомянутый храм Архангела Михаила в 2018 г. было совершено нападение вооруженными террористами. В результате погибли один прихожанин и двое полицейских, охранявшие храм. Террористы же были ликвидированы. Председатель Духовного управления мусульман Чеченской Республики Салах-хаджи Межиев принес соболезнования родным и близким погибших, а также отметил, что данное преступление было совершено в месяц Рамадан и совершившие его не имеют ничего общего с настоящим исламом.

Настоятель храма Архангела Михаила подтвердил, что несмотря ни на что, на сегодняшний день в республике поддерживается межконфессиональный мир и согласие. Он подчеркнул, что совместно с Духовным управлением мусульман Чеченской Республики периодически проводятся совместные мероприятия, в которых он и другие представители Русской православной церкви принимают самое активное участие.

В Чечне активно отмечаются как исламские, так и христианские религиозные праздники, регулярно проводятся конференции на тему религиозного просвещения и сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей, в которых принимают участие христианские и исламские религиозные деятели (ПМА 2024).

Заключение

Таким образом, Чеченская Республика вступила в XXI век в состоянии тяжелейшего гуманитарного кризиса. Была почти полностью разрушена вся социально-экономическая сфера, республика понесла тяжелые демографические потери, а чеченское общество было морально подавлено и расколото.

Необходимо отметить, что восстановление объектов инфраструктуры и выход из гуманитарного кризиса были бы невозможны без серьезной поддержки со стороны федерального центра. Важную роль сыграло новое руководство Чеченской Республики, которое принимало участие не только в восстановлении экономики и государственных институтов, но и стремилось к сплочению и объединению людей.

Помимо этого, огромное значение имели традиционные институты и устои чеченского общества. Обычай коллективной взаимопомощи «белхи», который берет свое начало в традиционном чеченском этикете «гиллакх» и исторически играет важную роль в повседневной жизни чеченских тейпов, вновь проявился в послевоенной Чечне. Он помогал людям сообща восстанавливать жилища и общими усилиями обустройства повседневный быт.

Традиционные социальные и религиозные институты, такие как тейпы и вирдовые братства играли при этом важную объединительную роль для людей. Тем не менее в послевоенной Чечне тейпы выполняют, скорее, морально-нравственную миссию и для большинства людей не содержат каких-либо социально-организационных функций. Куда более значительна роль вирдовых братств (ввиду значительного уровня религиозности среди населения Чечни). Вирдовые братства и их мюридские общины на низовом уровне принимали важные решения по отстройке и восстановлению тех или иных объектов, сбору средств, координации усилий и т. д. Они же инициировали организацию субботников, проведению работ по разбору завалов и т. д.

Данные религиозные и социальные институты важны еще и потому, что исторически роль старшего поколения, шейхов и их потомков была очень значительна в повседневной жизни чеченского общества. Разные политические силы в разные периоды истории старались делать ставку именно на данные категории населения. В послевоенной Чечне происходило примерно то же самое. Новое руководство республики старалось привлекать ветеранов, авторитетных представителей вирдов и других представителей старшего поколения для возвращения населения в республику и для воздействия на членов незаконных вооруженных формирований, призывая последних сдаться и вернуться к мирной жизни.

Некоторые из описанных выше традиционных институтов и обычаев продолжают сохраняться в сельской местности в Чечне, несмотря на общие глобализационные процессы. В самый тяжелый период послевоенной разрухи часть сельского населения продолжала спасаться при помощи личных подсобных хозяйств, огородничества и животноводства, которые исторически были развиты у чеченцев.

На сегодняшний день в сельских районах Чечни имеют место определенные сложности. Развитие фермерских и личных подсобных хозяйств задерживается в связи с отсутствием поддержки со стороны государства и сильной конкуренцией со стороны агрохолдингов. Помимо этого, процесс разминирования сельских территорий Чечни, растянувшийся на годы, также долгое время не позволял населению активно заниматься сельскохозяйственной деятельностью. Сохраняются такие традиционные для многих регионов проблемы, как отсутствие работы и нормального трудоустройства в сельской местности, а также отток населения в города. Тем не менее, можно утверждать, что Чеченская Республика не только оправилась от тяжелых последствий двух военных кампаний, но и начала устойчивое развитие.

Источники и материалы

ПМА — Полевые материалы автора (ПМА). Арсанов Ибрагим, г. Грозный, 2024; Уздорбиев Абдулхамид, г. Грозный, 2024; Мурдалов Муслим, г. Грозный, 2024; Ибрагим Идилов г. Грозный 2023, 2024; Сулейман Решиев, г. Грозный, 2023; Аббас Осмаев, г. Грозный, 2023, 2024; Дена Батаев, г. Грозный, 2023, 2024.

Постановление Правительства РФ 2001 — Постановление Правительства РФ № 889 21.12.2001 // Гарант. [Электронный ресурс]. <https://base.garant.ru/1587193/?ysclid=m4tsm>

[xif1190720567](#)

Постановление Правительства РФ 2008 — Постановление Правительства РФ № 537 «О Федеральной целевой программе «Социально-экономическое развитие Чеченской Республики на 2008–2011 г.» 15.07.2008 // Гарант. [Электронный ресурс]. <https://base.garant.ru/6390630/?ysclid=m4tsqnoaj209386578>

Пятый канал 2012 — В Чечне разминируют поля к весенней посевной // Пятый канал. [Электронный ресурс]. 17.04.2012. (дата обращения: 09.12.2024). <https://www.5-tv.ru/news/53410/?ysclid=m4hateql9u914851966>

Вестник Кавказа 2017 — Саперы приступили к разминированию горно-лесистой местности в Чечне и Ингушетии // Вестник Кавказа. [Электронный ресурс]. 11.04.2017. (дата обращения: 09.12.2024). <https://vestikavkaza.ru/news/Sapery-pristupili-k-razminiroyaniyu-gorno-lesistoy-mestnosti-v-Chechne-i-Ingushetii.html?ysclid=m4hazb42yt469103495>

Чечня Сегодня 2016 — В Чеченской Республике проведено разминирование на 42% запланированных площадей // Чечня Сегодня. [Электронный ресурс]. 28.01.2016. (дата обращения: 09.12.2024). <https://chechnyatoday.com/news/289593?ysclid=m4hbknxsg6190429343>

ТАСС 2023 — В Шалинском районе Чечни проведут работы по разминированию // ТАСС. [Электронный ресурс]. 21.09.2023. (дата обращения: 09.12.2024). <https://tass.ru/obschestvo/18813063?ysclid=m4hdb88x6p388552498>

Научная литература

Абдурахманов Д. Б. Человек и эпоха: Ахмад-хаджи Кадыров. М.: б./и., 2012. 288 с.

Абдурахманов Д. Б. Человек и эпоха: Рамзан Кадыров. М.: б./и., 2012. 368 с.

Акаев В. Х. Конфликты между традиционным и нетрадиционным направлениями в исламе: причины, динамика и пути преодоления // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 2 (56). С. 126–134.

Акаев В. Х. «Суфийская культура на Северном Кавказе: теоретические и практические аспекты» / Отв. ред. Г. В. Драч. Изд. 2-ое, перераб. и доп. Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2011. 208 с.

Акаев В. Х. История и специфика современного исламского возрождения в Чеченской Республике // Центральная Азия и Кавказ. 2011. № 3. С. 104–119.

Гадаев В. Ю. Чеченская традиционная культура и этика: учебное пособие. Махачкала: АЛЕФ, 2020. 516 с.

Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа. М.: Наука, 1981. 248 с.

Калоев Б. А. Скотоводство народов северного Кавказа: с древнейших времен до начала XX в. М.: Наука, 1993. 229 с.

Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 219 с.

Мамакаев М. А. «Чеченский тайп в период его разложения». Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1973. 46 с.

Осмаев А. Д. Чеченская Республика в 1996–2005 гг.: трудный путь к миру. Грозный: б./и., 2014. 552 с.

Тишков В. А. Общество в вооруженном конфликте: Этнография чеченской войны. М.: Наука, 2001. 552 с.

Хасбулатова З. И. «Белхи» как традиционная форма взаимопомощи, связанная с хозяйственным и семейным бытом чеченцев в XIX–XX вв. // Общество: философия, история, культура. 2017. № 8. С. 87–89.

Чеснов Я. В. Суфизм и этнический менталитет у чеченцев // Расы и народы. Вып. 26. М.: Наука, 2001. 269 с.

Чеснов Я. В. Лекции по исторической этнологии: Учебное пособие. М.: Гардарики, 1998. 400 с.

Культура Чечни: история и современные проблемы / отв. ред. Х. В. Туркаев. М.: Наука, 2002. 382 с.

Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 19–20 апреля 2005 года / отв. ред. Х. И. Ибрагимов, В. А. Тишков. М.: Наука, 2006. 575 с.

Чечня от конфликта к стабильности / отв. ред. Д. Д. Гакаев, А. Д. Яндаров. М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 2001. 277 с.

References

- Abdurakhmanov, D. B. 2012. *Chelovek i epokha: Ahmad-khadzhi Kadyrov* [Man and Era: Akhmad-Khadzhi Kadyrov]. Moscow. 288 p.
- Abdurakhmanov, D. B. 2012. *Chelovek i epokha: Ramzan Kadyrov* [Man and Era: Ramzan Kadyrov]. Moscow. 368 p.
- Akaev, V. Kh. (2009) 2011. *Sufijskaia kul'tura na Severnom Kavkaze: teoreticheskie i prakticheskie aspekty* [Sufi Culture in the North Caucasus: Theoretical and Practical Aspects]. Grozny: Knizhnoe Izdatel'stvo. 208 p.
- Akaev, V. Kh. 2008. Konflikty mezhdu traditsionnym i netraditsionnym napravleniiami v islame: prichiny, dinamika i puti preodoleniia [Conflicts Between Traditional and Nontraditional Directions in Islam: Causes, Dynamics, and Ways to Overcome Them]. *Central Asia and the Caucasus* 2(56): 126–134.
- Akaev, V. Kh. 2011. Istoriia i spetsifika sovremennogo islamskogo vrozozhdeniia v Chechenskoi Respublike [History and Specifics of the Modern Islamic Revival in the Chechen Republic]. *Central Asia and the Caucasus* 14(3): 104–119.
- Chesnov, Yu. V. 1998. *Lektsii po istoricheskoi etnologii: Uchebnoe posobie* [Lectures on Historical Ethnology: Textbook]. Moscow: Gardarika. 400 p.
- Chesnov, Yu. V. 2001. *Sufizm i etnicheskii mentalitet u chechentsev* [Sufism and Ethnic Mentality Among Chechens]. Moscow: Nauka. 269 p.
- Gadaev, V. Yu. 2020. *Chechenskaia traditsionnaia kul'tura i etika: uchebnoe posobie* [Chechen Traditional Culture and Ethics: Textbook]. Makhachkala: ALEF. 516 p.
- Gakaev, D. D., and A. D. Yandarov. 2001. *Chechnia ot konflikta k stabil'nosti* [Chechnya from Conflict to Stability]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. 277 p.
- Ibragimov, Kh. I., and V. A. Tishkov (eds.). 2006. *Chechenskaia Respublika i chechentsy: Istoriia i sovremennost': Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* [The Chechen Republic and the Chechens: History and Modernity: Materials of the All-Russian Scientific Conference]. Moscow: Nauka. 575 p.
- Kaloev, B. A. 1981. *Zemledelie narodov Severnogo Kavkaza* [Agriculture of the Peoples of the North Caucasus]. Moscow: Nauka. 248 p.
- Kaloev, B. A. 1993. *Skotovodstvo narodov Severnogo Kavkaza: S drevneishikh vremen do nachala XX v.* [Cattle Breeding of the Peoples of the North Caucasus]. Moscow: Nauka. 229 p.
- Khasbulatova, Z. I. 2017. "Belhi" kak traditsionnaia forma vzaimopomoshchi, sviazannaia s khoziaistvennym i sem'innym bytom chechentsev v XIX–XX vv. ["Belhi" as a Traditional Form of Mutual Assistance Related to Economic and Family Life of the Chechens in the 19th and 20th Centuries]. *Society: Philosophy, History and Culture* 8: 87–89.
- Kosven, M. O. 1963. *Semeinaia obshchina i patronimiia* [Family Community and Patronymic]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 219 p.
- Mamakaev, M. A. 1973. *Chechenskii taip v period ego razlozheniia* [Chechen Teip in the Period of Its Decomposition]. Grozny: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo. 46 p.
- Osmaev, A. D. 2014. *Chechenskaia respublika v 1996–2005 gg.: Trudnyi put' k miru* [The Chechen Republic in 1996–2005: A Difficult Path to Peace]. Grozny. 552 p.
- Tishkov, V. A. 2001. *Obshchestvo v vooruzhennom konflikte: Etnografiia chechenskoi voiny* [Society in Armed Conflict: Ethnography of the Chechen War]. Moscow: Nauka. 552 p.
- Turkaev, Kh. V. 2002. *Kultura Chechni: Istoriia i sovremennye problemy* [Culture of Chechnya: History and Modern Problems]. Moscow: Nauka. 382 p.